

Защита диссертаций Николаем Ильичом Покровским в Ленинградском университете

Н. Н. Алеврас

Для цитирования: *Алеврас Н. Н.* Защита диссертаций Николаем Ильичом Покровским в Ленинградском университете // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 259–276. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.115>

В статье исследуется творческая биография историка Н. И. Покровского, получившая выражение в создании и защите кандидатской и докторской диссертаций по истории Северо-Восточного Кавказа XIX в. и борьбе горцев за независимость. Предпринята попытка раскрыть основные вехи его жизненного и научного пути. Разрабатывая указанную проблематику, Покровский уже в 1935 г. подготовил текст книги, издать которую ему так и не удалось. Обе защиты историка, состоявшиеся в 1938–1939 гг., представляют первый опыт возрождения в историко-научном сообществе традиций дореволюционной диссертационной культуры, реализующих нормативную основу и практику применения ее советского аналога. Объектом изучения стал комплекс делопроизводственных материалов по защитах кандидатской и докторской диссертаций историка. Обосновывается вывод о тесной взаимосвязи процессов работы Покровского над монографическим трудом по заданной теме и проблематики его диссертаций. В центре внимания находится процедура и ход докторской защиты историка. Наличие ее стенограммы позволило представить характерные для раннего периода формирующейся советской диссертационной культуры принципы, стиль, атмосферу и идеологическую составляющую данного научного события. Акцентируется внимание на особенностях формирования круга оппонентов, культуре организации защиты и научной экспертизы диссертации, характере возникшей полемики. Оппонентами стали известные петербургские ученые: академик-арабист И. Ю. Крачковский, выступавший в роли патрона соискателя, Б. Д. Греков и С. Н. Валк — доктора исторических наук, не являвшиеся специалистами по проблеме диссертации и настороженно относившиеся к соискателю. Отдельное место в качестве эксперта занимал историк-востоковед И. П. Петрушевский — оппонент на кандидатской защите и неофициальный эксперт на докторском диспуте Покровского. В анализируемой полемике (в ней участвовали члены Совета исторического факультета и представители «публики»), выявившей неоднозначное отношение к позиции соискателя, предпринимается попытка уловить смысл критическо-

Наталья Николаевна Алеврас — д-р ист. наук, проф., Челябинский государственный университет, Российская Федерация, 454001, ул. Братьев Кашириных, 129; chelhist@mail.ru

Natalia N. Alevras — Dr. Sci. (History), Professor, Chelyabinsk State University, 129, ul. Bratyev Kashirinykh, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation; chelhist@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00557 «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920–1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

This research was supported by the grant no. 22-28-00557 “Dissertation culture of the scientific community of Soviet historians of the 1920s–1950s: adaptation of the pre-revolutionary experience and the search for a new model for the training of scientists” of the Russian Science Foundation.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

го восприятия концептуальных идей Покровского и воздействие политико-идеологической атмосферы в довоенном СССР на ход защиты и судьбу историка.

Ключевые слова: Н. И. Покровский, И. Ю. Крачковский, Кавказские войны XIX в., защита диссертации, оппоненты, полемика, советская диссертационная культура, Ленинградский университет.

Defense of Dissertations by Nikolai Il'ich Pokrovskii at Leningrad University

N. N. Alebras

For citation: Alebras N. N. Defense of Dissertations by Nikolai Il'ich Pokrovskii at Leningrad University. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, pp. 259–276. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.115> (In Russian)

This article is a discussion of the career path of N. I. Pokrovskii. The author attempts to uncover the key points of his biography and research career. Both of his defense procedures that took place in 1938–1939 are examples of the revival of the pre-revolutionary dissertation culture implemented through the practicing of the legal framework of its Soviet counterpart. The article focuses on the procedure and progress of the defense of the historian's doctorate dissertation. The availability of the transcript enables the author to reveal the principles, style, atmosphere, and ideological components of this academic event typical of the early Soviet dissertation culture. The author highlights the specifics of the selection of opponents, the defense procedure and academic audit organization as well as the ensuing discussion. The opponents included well-known researchers from St Petersburg, I. Yu. Krachkovskii, an Arabist scholar acting as the candidate's promoter, and B. D. Grekov and S. N. Valk, Doctors of history who were not authorities on the problems covered in the dissertation and treated the candidate with caution. I. P. Petrushevskii, an Orientalist historian, played a special role: he was an opponent during Pokrovskii's candidate thesis defense and an unofficial expert during his doctoral defense debate. The debate in question involved the members of the Board of the Historical Faculty and the 'public' and demonstrated ambivalent attitudes towards the candidate's position. The article attempts to understand the critical perception of Pokrovskii's concepts and the impact of the political and ideological atmosphere in the pre-war USSR on the defense procedure and the historian's life.

Keywords: N. I. Pokrovskii, I. Yu. Krachkovskii, Caucasian Wars of the 19th century, thesis defense, debate, Soviet dissertation culture, Leningrad University.

Вхождение в тему: актуализация проблемы

Историка Николая Ильича Покровского (1897–1946) можно рассматривать как неординарную, более того — легендарную личность в историографии. Шлейф начавшейся в 1930-х гг. истории его исследования о Кавказской войне и положении народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. — растянулся до XXI столетия. Задуманный труд даже после успешной защиты им двух диссертаций так и не был опубликован в XX столетии, а ученый попал в зону историографического умолчания.

Актуализируя ракурс заданной темы, ориентированный на изучение советской диссертационной культуры, замечу, что специальных исследований в области изучения опыта защит диссертаций в 1930-х гг. опубликовано немного¹.

¹ См.: Скворцов А. М. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е–1940-е годы: защита докторской диссертации А. В. Мишулиным // Научный диалог. 2019. № 2. С. 296–310;

Указанные авторы представили нормативную основу формировавшейся советской диссертационной системы и исследовали конкретные практики организации защит диссертаций. В этом контексте диссертационный проект Покровского и его реализация, разработка им этнонациональной проблематики в условиях политического режима 1930-х гг. представляют особый интерес в силу неординарности и драматизма происходивших социокультурных процессов. В их числе — трансформация прежней институциональной структуры науки и формирование ее «советского образа»², многочисленные эксперименты в области национальной политики³, в сферах этнологии, этнолингвистики и истории языка⁴. Заметим, в 1930-х гг. тема истории народов Большой России являлась востребованным сюжетом в исторических исследованиях и диссертационной практике.

Покровский, несмотря на драматические обстоятельства жизни, предстает историком-первопроходцем в выдвинутой им проблематике, личностью волевой и незаурядной. Он принадлежал к поколению тех ученых-историков 1930-х гг., кто родился в самом конце XIX столетия. Это поколение было обречено на неминуемо тяжелую адаптацию к социально-политическим условиям жизни и особенностям научной деятельности в ситуации цивилизационного по своей сути перехода от России дореволюционной к России советской. Политические кампании 1930-х гг. (Академическое дело, Дело славистов и др.) оставили трагический след в истории науки. Отдельное место в ней занимают и репрессии ученых-востоковедов⁵.

По версии Л. Н. Мазур, период 1930–1950-х гг. предстает как этап «идеологизации и милитаризации советской науки», сформировавший ее «сталинскую бюрократическую модель»⁶. Он совпал для представителей данного поколения с моментом их вступления в фазу интеллектуальной и научной зрелости и, несомненно, оставил свои шрамы и отметины в биографиях, судьбах и творчестве ученых.

Имя Н. И. Покровского, преодолев историческое забвение, возвращается в науку со второй половины 1990-х гг. Одна из статей, примыкающих к циклу исследований об историке, написанная востоковедом и специалистом в области арабистики Р. Ш. Шарафутдиновой⁷, подчеркнуто фиксировала возрожденческий интерес к судьбе историка.

Алеврас Н. Н. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х — начале 1940-х годов // *Научный диалог*, 2022. Т. 11, № 3. С. 337–354.

² См.: *Долгова Е. А.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., 2020; *Мазур Л. Н.* Советская наука как социальный проект: особенности и этапы конструирования (1917–1950-е гг.) // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2021. Т. 23, № 4. С. 117–138.

³ См.: *Шербак А. Н., Болячевец Л. С., Платонова Е. С.* История советской национальной политики: колебания маятника? // *Политическая наука*. 2016. № 1. С. 100–123.

⁴ См.: *Алпатов В. М.* Марр, марризм и сталинизм // *Философские исследования*. 1993. № 4. С. 271–288.

⁵ См.: *Репрессированное востоковедение: востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы*. Ч. 1 / сост. Я. В. Васильков, А. М. Гришина, Ф. Ф. Перченков // *Народы Азии и Африки*. 1990. № 4. С. 113–125.

⁶ *Мазур Л. Н.* Советская наука как социальный проект. С. 121.

⁷ См.: *Шарафутдинова Р. Ш.* Н. И. Покровский (1897–1946) и И. Ю. Крачковский (1883–1950). Проблемы кавказской арабистики по архивным материалам // *Петербургское востоковедение*. 1997. Вып. 9. С. 501–515.

Существенный всплеск научного внимания к его деятельности вызван изданием его монографии-диссертации⁸, инициированным его сыном — академиком Н. Н. Покровским (1930–2013), также прошедшим тернистый путь в науке. Научная реакция на это историографическое событие получила выражение в статье историка Н. А. Мининкова⁹, связанного родственными узами с семьей Покровских.

Вместе с тем далеко не всем современным специалистам, занимающимся проблемами истории Кавказа XIX в., известен вклад Н. И. Покровского в ее разработку. С подобным фактом пришлось столкнуться при знакомстве со статьей «К вопросу об историографии Кавказской войны»¹⁰. Не касаясь качества представленного в этой статье историографического анализа, отмечу, что авторы следовали хронологической канве выявленных ими исследований по заданной теме. Перейдя рубеж 1990-х, они констатировали факты появления с начала XXI в. специальных работ по проблеме, среди которых назвали известный труд героя данной статьи¹¹. Другими словами, авторы приняли Н. И. Покровского за современного исследователя. Они не только не предприняли попытку анализа его труда, но даже не заглянули в предисловие Покровского-младшего, где раскрывается драматическая история этой книги и указывается время ее создания.

Интерес к фигуре Н. И. Покровского востребовал обращение и к иным историко-биографическим деталям его научного пути: в частности, к истории защит кандидатской и докторской диссертаций, осуществленных в коротком интервале с декабря 1938 г. по июнь 1939 г., что позволяет воспринимать его диссертационную историю как единый процесс в данном хронологическом диапазоне.

Содержание выявленного комплекса архивных материалов, включающих стенограмму докторской защиты, тексты выступлений диссертанта, отзывов оппонентов¹², позволяют обогатить интеллектуальную биографию Покровского и актуализировать факт причастности к его защите представительного круга ученых, выступивших в качестве экспертов диссертаций и выводов историка.

Н. И. Покровский в современной историографической ретроспективе

В статье Р. Ш. Шарафутдиновой (1997 г.) был заложен оригинальный подход к оценке Покровского посредством анализа его научных взаимоотношений с известным этнолингвистом и арабистом академиком И. Ю. Крачковским (1883–1951). Подчеркнув, что имя Покровского «волею судеб в истекшие сорок с лишком лет

⁸ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

⁹ Мининков Н. А. К истории издания труда Н. И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля» // Метаморфоз vs трансформация. Мультимедийный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв. Ростов-на-Дону, 2013. С. 232–238.

¹⁰ См.: Товсултанов Р. А., Галимова Л. Н., Оздамирова Э. М. К вопросу об историографии Кавказской войны // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 252–258.

¹¹ Там же. С. 255.

¹² Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1186, 1187.

оставалось в тени»¹³, она одной из первых определила научный вклад Покровского в изучение народов Северо-Восточного Кавказа.

В личном фонде Крачковского (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук) Шарафутдинова выявила письма к нему Покровского. Факт переписки между ними стал для автора статьи основанием установить особенности взаимоотношений этих двух ученых. Крачковский являлся первым оппонентом на защитах как кандидатской, так и докторской диссертации историка и высоко оценивал вклад их автора в разрабатываемую проблематику, подчеркивая основательность источниковой базы обоих трудов. Шарафутдинова обратила внимание и на то, что тезисы к докторской диссертации Покровского публиковались с указанием на Крачковского как на их редактора¹⁴. Это интересное обстоятельство не прошло мимо внимания и автора данной статьи, позволяя предполагать рассматриваемую научную коммуникацию как схолярное явление, связанное со взаимодействием учителя и ученика. Но Шарафутдинова квалифицировала их научные связи как имеющие «дружеский характер», полагая, что в переписке они выступали «равными коллегами»¹⁵. Характер и содержание представленных ею фрагментов писем, несмотря на различие статусов и разницу возрастов корреспондентов, вероятно, дает некоторое основание и для подобной идентификации их взаимоотношений.

Используемая автором рассматриваемой статьи переписка из архива Крачковского позволила особым образом высветить еще одну значимую фигуру из круга коллег и друзей Покровского. Это А. Б. Закс (1899–1996) — известный историк, мемуарист, сотрудница Государственного исторического музея, связавшая свои научные интересы также с кавказской проблематикой¹⁶. В начале 1930-х гг. Закс сама организовывала этнографические экспедиции на Кавказ и собирала для музея коллекции письменных источников по злободневной в то время тематике. Она находилась в переписке и с Крачковским, и с Покровским. Ее письма Крачковскому, процитированные Шарафутдиновой, объясняют возникновение собственного интереса Закс к этноисторическим процессам на Кавказе в XIX столетии и одновременно демонстрируют широкий круг ученых, вовлеченных в исследовательскую деятельность по многообразным сюжетам на данную тему. Не погружаясь в тонкости и детали как переписки, так и деятельности Закс, отмечу примечательный историографический «детектив» с защитой ею в 1946 г. — уже после смерти Покровского — кандидатской диссертации «Ташев Хаджи — сподвижник Шамиля и Чеченское восстание 1840 года», тематически тесно связанной с актуальной для Покровского проблематикой. Диссертационная история Закс¹⁷ прошла как по «лезвию бритвы» зарождавшейся национально-политической кампании, придавшей драматические черты процессу изучения истории народов Кавказа, что с очевидностью получит продолжение в последующей «борьбе с космополитизмом». Покровский словно

¹³ Шарафутдинова Р. Ш. Н. И. Покровский. С. 501, 504.

¹⁴ Там же. С. 503.

¹⁵ Там же. С. 507.

¹⁶ Об А. Б. Закс см.: Гальперина И. Г., Горшкова Н. В. Анна Борисовна Закс: воспоминания музейведа // Румянцевские чтения — 2028. Библиотеки музеев как культурные научные центры: историческая ретроспектива и взгляд в будущее: к 190-летию со времени основания Румянцевского музея. М., 2018. С. 169–174.

¹⁷ См.: Закс А. Б. Как я защищала диссертацию и пыталась ее опубликовать // Вопросы истории, 1989. № 6. С. 164–167.

предчувствовал научную судьбу избранной им темы и спешил защитить свой труд как можно скорее в конце 1930-х гг.

Относительно основных вех жизненного пути и профессиональной деятельности Н. И. Покровского формируется информационно-историографический ресурс, обращенный к анализу его историко-научного наследия. Принципиально важным в этом контексте явилось предисловие Н. Н. Покровского к издаваемой книге отца, содержащее историю неудавшихся попыток Покровского-старшего опубликовать свой труд. Биографический очерк о нем, представленный известным историком-кавказоведом В. Г. Гаджиевым в этом же издании, детализирует творческий процесс работы Покровского над заданной темой. Фокусируя внимание на инновационных для своего времени аналитических наблюдениях и методах работы Покровского, он обосновывал значение выхода его книги в начале XXI столетия наличием оригинального корпуса источников, профессионально им интерпретированных. Подчеркнул он и сохраняющуюся научную значимость авторских оценок историко-событийного контента исследования¹⁸.

Штрихи к портрету Н. И. Покровского и истории семьи Покровских дополняют совместные воспоминания его дочери и сына¹⁹. Блок их семейных мемуаров пополнен Н. А. Мининковым²⁰. Уже упомянутая его статья 2013 г. была приурочена к изданию, а потом и переизданию (2009 г.) довоенной монографии Н. И. Покровского. Его книга презентуется Мининковым в качестве исследования, не потерявшего научного значения и сегодня. Несомненно, ее публикацию можно трактовать и как событие, актуализирующее проблемы изучения истории Северного Кавказа, и как акт коммеморативной природы, содействующий переосмыслению самого историографического процесса.

Одним из сюжетов статьи Мининкова стала попытка приоткрыть причину ранней смерти Покровского, по официальной версии умершего от белокровия. Опираясь на «семейное предание», автор не исключает иной — политической подоплеки, полагая, что Николай Ильич был «тихо устранен органами госбезопасности»²¹.

Намеки на политический подтекст отношения к Н. И. Покровскому просматриваются в известном выступлении А. Б. Закс в МГУ (1937 г.) на обсуждении доклада историка С. К. Бушуева по проблемам движения Шамиля. На заданный ею вопрос, почему он не использует имевшихся статей Покровского, тот ответил: «По некоторым обстоятельствам имя этого историка лучше не упоминать»²². Сама Закс не исключала того факта, что рукопись книги Покровского, не будучи опубли-

¹⁸ См.: *Покровский Н. Н.* Вместо предисловия // Покровский Н. И. Кавказские войны... С. 3–7; *Гаджиев В. Г.* Введение: об авторе и его книге // Там же. С. 8–26.

¹⁹ См.: Устные мемуары Светланы Николаевны и Николая Николаевича Покровских (К 75-летию академика Н. Н. Покровского) // Археографический ежегодник за 2005. М., 2007. С. 534–551.

²⁰ См.: *Мининков Н. А.* Воспоминания о дяде: Николай Николаевич Покровский // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 632–640.

²¹ *Мининков Н. А.* К истории издания труда Н. И. Покровского... С. 234.

²² Данный сюжет, не единожды воспроизводимый в статьях Википедии, восходит к мемуарам А. Б. Закс «Эта долгая, долгая, долгая жизнь». С. К. Бушув в это время готовился к защите кандидатской диссертации «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля». Защита состоялась в МГУ 20 мая 1938 г. В виде книги она издана в 1939 г. См.: Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 гг. Библиографический указатель. Вып. 3. М., 1960. С. 23.

ликованной, находилась в различных издательских структурах, могла быть доступна для других. Она подозревала Бушуева в заимствованиях им научного материала из публикаций и рукописи Покровского. О подобном свидетельствовал и Н. Н. Покровский, отмечавший, что в письмах отца присутствовала тема о «влиянии» его рукописи «на опубликованные тексты тех, от кого прямо зависела печальная судьба его книги»²³.

Н. И. Покровский в автобиографическом и историко-биографическом контекстах

Составленная Н. И. Покровским автобиография под названием «Краткое жизнеописание»²⁴, поданная накануне защиты кандидатской диссертации в Совет исторического факультета ЛГУ, а также свидетельства лиц, знавших его, дают возможность представить вехи жизни и деятельности ученого.

Он родился в Харькове, но, по свидетельству В. Г. Гаджиева, его детские и отроческие годы прошли во Владикавказе. Многоэтничный мир региона стал основой его глубокого личного и одновременно научного интереса к истории горцев. С переездом семьи в Ростов Покровский окончил там в 1916 г. гимназию и поступил в эвакуированный Варшавский университет на историко-филологический факультет. Из «жизнеописания» следует, что окончить его он не успел: будучи весной 1920 г. переведенным на 4-й курс, он был назначен заведующим дошкольным сектором Донского отдела народного образования. Факт незаконченного высшего образования был зафиксирован в документах соискателя. Вероятно, подобное явление не было редкостью в тот период и не стало препятствием для рекомендации его диссертаций к защите.

В автобиографической записке Покровский детальнейшим образом представил картину своих многочисленных передвижений с 1920-х до середины 1930-х гг. в институциональных структурах органов народного образования. В 1925 г. он переезжает в Москву в связи с назначением на должность методиста одного из отделов Главполитпросвета. Но, будучи уже семейным человеком (женится в 1920 г.²⁵) и не получив в столице квартиры, он с семьей вернулся в Ростов. Здесь с 1932 г. Покровский начинает работу в Северо-Кавказском Горском научно-исследовательском институте в качестве научного работника. В 1933 г. его утверждают старшим научным сотрудником и выбирают ученым секретарем института. Работая здесь, историк подготовил к публикации рукопись по истории имамата объемом в 20 печатных листов²⁶, а также серию заметок о горцах в Северо-Кавказскую энциклопедию. В 1934–1936 гг. историк опубликовал ряд статей в известных научных журналах. Накануне защиты кандидатской диссертации за ним числилось 26 изданных

²³ Покровский Н. Н. Вместо предисловия // Покровский Н. И. Кавказские войны... С. 3.

²⁴ Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1187. Л. 9–9 об.

²⁵ О жене Татьяне Андреевне (в девичестве Прасоловой) Покровский, не называя ее имени, коротко записал в анкете: «жена врач, дочь рабочего». На момент защит диссертаций в семье было двое детей. См.: Там же. Л. 9 об.

²⁶ Вероятно, эта публикация составила основу главы IV «Образование имамата» современного издания его книги. См.: Покровский Н. И. Кавказские войны... С. 195–272.

работ²⁷. Сообщая о рукописи готовящейся книги, Покровский уточнял, что на момент написания автобиографии она находилась в «ГИЗ'е».

Историю с рукописью на основе семейного архива исследовал и Н. Н. Покровский. Сохранившиеся тексты «издательских договоров» зафиксировали даты их заключения в разных издательствах — 1935, 1937, 1939, 1947²⁸ гг. Он же подчеркнул причины идеологических препон к публикации книги, связывая их с неоднократно меняющимися идейно-политическими установками в официальной линии власти относительно национального вопроса²⁹.

Николай Ильич вышел из состоятельной интеллигентной семьи. Его отец, по версии одной из справок в диссертационном деле историка, являлся «потомственно-почетным гражданином»³⁰. Сам Покровский в анкете соискателя, не обозначая должностей, сообщал, что его отец служил в управленческой системе обслуживания железных дорог юга России. В «жизнеописании» историк уточнял, что в молодые годы отец являлся членом партии «Народная воля», позднее примкнул к партии эсеров, а в 1925 г. «за активную деятельность был выслан в Самарканд, где и умер в 1932 г.»³¹.

Относительно собственной политической деятельности Покровский свидетельствовал, что и он в 1917 г. вступил в партию эсеров, но принадлежал к той их группе, которая заняла позицию «необходимости борьбы с белыми». Свою общественно-политическую активность во время пребывания в Ростове белых Покровский подчеркнул упоминанием своего участия в издании подпольной газеты «Колокол». Указал он и на факт своего ареста Донской контрразведкой по подозрению его в большевизме. В 1920 г. с приходом в Ростов Красной армии историк начал работу в Отделе народного образования, вышел из партии эсеров и вступил в ВКП(б), заявив об этом в печати. Однако его пребывание в рядах коммунистов оказалось недолгим: в автобиографии он сообщал, что осенью 1921 г. из-за неявки на перерегистрацию он «механически выбыл» из состава партии. На момент защиты диссертаций Покровский был беспартийным.

Несомненно, автобиографическая записка Покровского являлась опытом конструирования собственной биографии в социально-политических обстоятельствах довоенного советского времени. В основу ее составления историк заложил принцип личного откровения путем детализации биографии, включающей и явно невыгодные для соискателя факты, в частности политические настроения, сложившиеся в семейной традиции. Характеризуя свою профессиональную карьеру, он указал и на факт незавершенного обучения в университете, не обошел и историю с увольнением его в 1931 г. из системы народного образования, поскольку с опозданием вернулся из отпуска (как он пояснил — из-за тяжелой болезни дочери). Перипетии его жизни, конечно, были известны представителям соответствующих надзорных органов, но его принципиально честная позиция в ситуации подготов-

²⁷ Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1187. Л. 1, 9 об.

²⁸ Последний договор был заключен уже с наследниками Н. И. Покровского.

²⁹ Покровский Н. Н. Вместо предисловия // Покровский Н. И. Кавказские войны... С. 3–7.

³⁰ Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1187. Л. 8.

³¹ Там же. Л. 9.

ки защиты научного проекта могла символизировать имплицитно выражаемую им линию независимости от фактов биографии.

На момент составления «жизнеописания» Н. И. Покровский оказался в сложном положении. По свидетельству Покровского-младшего, издательство (Соцэкгиз) еще в 1935 г. срочно запросило с места работы историка его «политическую и научную характеристику». А через два-три года, то есть в разгар так называемой ежовщины, у Н. И. Покровского возникли «неприятности с чекистами»: по словам сына, «его начали тогда примерять на роль польского шпиона». В сложившихся обстоятельствах Н. И. Покровский переменял место жительства: известный для того времени прием. Вероятно, сославшись на необходимость организации защит своих диссертаций, он уехал на год в Ленинград³².

Свидетельства Н. Н. Покровского из семейной истории, таким образом, дают основание предполагать, что защита диссертаций в Ленинграде, кроме решения научных задач, становилась одновременно способом другой защиты — от политического преследования.

Уже после получения ученой степени доктора исторических наук Покровский профессионально будет связан с деятельностью университета в Ростове-на-Дону. Как подчеркивается в информационно-биографических интернет-ресурсах, именно он в 1941 г. инициировал создание в его структуре историко-филологического факультета, став его первым деканом и заведующим кафедрой истории народов СССР³³. Но на момент защит диссертаций историк являлся доцентом Ростовского финансово-экономического института.

Разработкой истории народов Северного Кавказа Покровский самостоятельно занимался с 1920-х гг., участвуя в научных экспедициях по изучению этнографических особенностей региона. Погружаясь в проблематику и источниковую основу истории горских народов, он интенсивно изучал и быстро освоил арабский язык. Основной его оппонент на защитах И. Ю. Крачковский подчеркнул, что в области исследования арабоязычных рукописных книг дагестанских авторов Покровский стал одним из «немногих специалистов», систематически ввопивших эти памятники в «обиход исторической науки»³⁴. Подобный акцент он делал и в ходе оппонирования его диссертаций.

К 1935 г. Покровский уже подготовил рукопись монографии, посвященной Кавказской войне. К выходу на защиты двух диссертаций, вероятно на ее основе, он создал соответствующие рукописные тексты, представленные кандидатской и докторской диссертациями. Первая из них — «Северо-Восточный Кавказ в первой половине XIX в. Социально-экономический обзор» — была обращена к истории происхождения и исследованию уровня социального и экономического развития различных народов Дагестана, Чечни и Кумыкии («Кумыкской плоскости»)³⁵.

³² См.: Покровский Н. Н. Вместо предисловия. С. 4.

³³ См.: Покровский Николай Ильич // Покровский, Николай Ильич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Покровский,_Николай_Ильич (дата обращения: 06.05.2022).

³⁴ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 246.

³⁵ См.: Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1187. Л. 1–20. — Защита состоялась 4 декабря 1938 г. Объем диссертации, по свидетельству оппонентов, составлял 157 страниц.

В этой рукописи, как явствует из текста тезисов, Покровский попытался раскрыть специфику феодальной иерархии, характерной для социальной структуры кавказских «ханств» и охарактеризовать виды и особенности торгово-экономической деятельности населения. Один из его основных выводов сводился к тому, что «племена горцев Северо-Восточного Кавказа находились <...> на различных ступенях экономического развития». Изучаемый период характеризовался диссертантом как время господства «патриархальных» и зарождения «будущих феодальных отношений». Переходные процессы, по его мысли, вызвали протестные движения несвободных социальных слоев, которые соединились «с мощным народным движением <...> за независимость», с чем и столкнулся «российский царизм, завоевавший Кавказ»³⁶.

Оппонентами на кандидатской защите выступили известнейшие востоковеды — академик-арабист И. Ю. Крачковский, окончивший в 1905 г. восточный факультет Санкт-Петербургского университета, и историк И. П. Петрушевский (1898–1977). Петрушевский окончил Харьковский и Бакинский университеты (1926 г.), получив фундаментальную филологическую подготовку в области изучения арабского и персидского языков в Институте кавказоведения АН СССР (Тбилиси). Во время защит диссертаций Покровским он был еще кандидатом исторических наук.

Оба оппонента признавали в авторе коллегу по научным интересам, подчеркивая значение его научных публикаций. Крачковский, рекомендуя присудить соискателю ученую степень кандидата, ограничился коротким отзывом, обозначив основные сюжетные линии и сосредоточив внимание на характеристике источниковой основы диссертации. В Покровском он видел «серьезного научного работника», особо подчеркивая значение его статьи «Обзор источников по истории имамата» (1936 г.). На его взгляд, она сама по себе могла бы стать основой присуждения автору искомой степени³⁷.

Петрушевский, со свойственной ему скрупулезностью и вниманием к деталям, высказал ряд замечаний диссертанту. В то же время он констатировал, что рецензируемая диссертация являлась первой попыткой «в кавказоведной литературе» представить обобщенный взгляд на особенности социально-экономического строя Дагестана и Чечни. Особо он подчеркнул «выдающийся интерес» разделов, посвященных характеристикам развития торговли, ремесленной и кустарной промышленности Дагестана³⁸.

Замечания его были нацелены на необходимость более обоснованной дифференциации социальной структуры многочисленных кавказских народов и этносов, а также анализа специфики их экономического положения. Оппонент полагал, что выводы Покровского о разложении феодализма в Дагестане и гипотеза о рабстве как предшествующей феодализму стадии развития его народов нуждаются в дополнительных обоснованиях³⁹. Но и он признал достоинства диссертации, отвечавшей достигнутому ее автором уровню кандидата исторических наук.

³⁶ См.: Покровский Н. Северо-Восточный Кавказ в первой половине XIX века. Тезисы к диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1938. С. 1–6.

³⁷ Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1187. Л. 14.

³⁸ Там же. Л. 15.

³⁹ Там же. Л. 16 об. — 17.

Кандидатскую диссертацию Покровского можно считать прелюдией его докторского труда «Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость», защищенного 5 июня 1939 г.

В группу официальных экспертов докторской диссертации вновь вошел в качестве первого оппонента академик И. Ю. Крачковский, вторым стал академик Д. Б. Греков, третьим — доктор исторических наук С. Н. Валк. Любопытным моментом организации защиты явился факт наличия в комплексе текстов отзывов оппонентов отдельной экспертизы еще и от Петрушевского, официально не входившего в круг оппонентов.

Подготовка и драматургия докторской защиты Н. И. Покровского

Этап защиты диссертации, являясь кульминационным моментом любой диссертационной истории, позволяет рассмотреть расстановку научных сил и характер научных коммуникаций, складывавшихся в специфическом коллективе участников диссертационной защиты. Формирование когорты официальных и неофициальных оппонентов, особенности их коммуникации с соискателем ученой степени и между собой позволяют создать некий абрис мини-сообщества ученых-экспертов в конкретной ситуативной обстановке защиты диссертации. Данная защита в организационном отношении соответствовала положениям основных нормативных документов, утвержденных в 1937 и 1938 гг. Она демонстрировала продолжение дореволюционных традиций диссертационных диспутов. Этот эффект усиливается фактом принадлежности всех официальных оппонентов к категории ученых, окончивших дореволюционные университеты.

Стремление Николая Ильича в сложившихся для него обстоятельствах в сжатые сроки защитить диссертацию создавало в период докторской предзащиты заметную атмосферу нервозности. Представители ученого совета ЛГУ, выдвинутые в качестве его оппонентов Греков и Валк, не являясь специалистами по данной проблематике, не торопились с представлением своих отзывов в Ученый совет, что можно было расценить как выражение сомнений в достоинствах диссертации.

В архивном деле сохранилось недатированное письмо-рукопись Покровского, адресованное «т. Ходжаеву»⁴⁰, личность которого установить не удалось. В нем, раздосадованный фактом затягивания защиты в течение трех месяцев из-за отсутствия в Совете исторического факультета отзывов Грекова и Валка (в наличии был лишь отзыв Ю. И. Крачковского, представленный им еще в феврале 1939 г.), Покровский просил оказать содействие решению проблемы. Он сообщал адресату, что ему даже советовали защищать диссертацию в Москве. Это для него было неприемлемо не только по научным соображениям, что он особо подчеркивал в письме, но, надо полагать, и по политическим причинам.

Жалобе Покровского явно был дан ход: 14 мая 1939 г. в адрес Всесоюзного комитета по делам высшей школы от Совета исторического факультета ЛГУ было отправлено разъяснение, объяснявшее задержку отзывов оппонентов «перегруженностью» их работой. Здесь же сообщалась утвержденная дата защиты. Совету

⁴⁰ Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1186. Л. 6–7.

пришлось отчитаться и перед Высшей аттестационной комиссией, куда в октябре 1939 г. в качестве подтверждения были переправлены стенограммы выступлений Валка и Грекова⁴¹.

То, как развивались события, и прецедент с жалобой Покровского показали, что выбранный им способ возможного воздействия на соответствующие инстанции оказался результативным.

Предыстория защиты Покровского свидетельствует о сложности поисков оппонентов по злободневной, но не изученной проблематике его диссертации, лежащей на стыке дисциплин — истории, этнографии, этнолингвистики, востоковедения. Дополнительный фактор, вызвавший дискомфорт в организации защиты Покровского, просматривается и в невыгодной позиции соискателя, входившего в науку как историк-энтузиаст, не прошедший в классическом смысле полноценной академической выучки: минуя стадию научной подготовки через аспирантуру, он не имел коммуникативного опыта научного ученичества. В то же время, создавая свои исследования самостоятельно с опорой на потенциал собственной научной эрудиции, он получил поддержку со стороны филолога-арабиста Крачковского и историка-востоковеда Петрушевского, сыгравших роль его неофициальных наставников. Они глубже других понимали значение его диссертационного труда. Специфический опыт их неформальной коммуникации с диссертантом явился выражением поддержки ими талантливых людей нового поколения ученых.

Можно полагать, что для историков старой школы в лице Грекова и Валка Покровский-соискатель мог восприниматься как представитель особой, еще непознанной генерации в науке. Судя по характеру их оппонентских отзывов, отношения между обеими сторонами были напряженными. Но Греков не демонстрировал предельно жесткой оценки диссертации: отметив вслед за Крачковским, что «автор — не новичок в науке», он высказался за присуждение ему докторской степени. При этом вполне ощутимо проявление неприятия им инноваций от актора нового поколения историков в трактовке проблематики, источниковедческих подходах, особенностях стилистики научного текста диссертации. Предельно лапидарный отзыв Грекова был назван им «Замечания»⁴², что подспудно демонстрировало пониженный в его восприятии статус соискателя.

Не причисляя себя к специалистам по проблеме, Греков подчеркнул недостатки работы: автор не дал характеристик социально-экономического строя жизни народов Кавказа, не представил анализа аграрной политики Шамиля, неоправданно использовал понятие «нация», применяемое к народам, находившимся на стадиях «полуфеодального» и «полупатриархального» развития. Претила ему и авторская стилистика с такими понятийными категориями, как «революционер» (в адрес Шамиля), «контрреволюционные» (в адрес его окружения). «Агитатор», «комсостав» и прочая терминология из области новояза не могла не вызвать сопротивления со стороны представителя академической культуры⁴³.

Похожей линии придерживался и Валк. Сделав ряд замечаний о характере использования соискателем архивных фондов (в частности, фонда дореволюционно-

⁴¹ Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1186. Л. 2, 4.

⁴² Там же. Л. 31–33.

⁴³ Там же.

го академика Н. Ф. Дубровина), а также относительно предложенной в диссертации «группировки источников», Валк присоединился к мнениям других оппонентов о присуждении Покровскому искомой ученой степени⁴⁴.

Оба оппонента дистанцировались от более глубокого анализа диссертации и позиции диссертанта. Но можно заметить, что в устных выступлениях Грекова и Валка⁴⁵, последовавших после оглашения отзыва Петрушевского и выступления Крачковского, критика диссертанта приобрела более мягкие выражения, были усилены акценты на достоинствах диссертации и заслугах ее автора.

Появление отзыва Петрушевского как некоего акта поддержки соискателя, вероятно, можно объяснить тактическими маневрами, вызванными складывавшейся ситуацией, предполагавшей, вероятно, критические выступления в адрес диссертанта. Признание профессиональных заслуг Петрушевского в изучении истории народов Кавказа безоговорочно было принято всеми. Не случайно Валк, ссылаясь на положительные отзывы оппонентов в адрес защищаемой диссертации, к которым он присоединился, выделил его как «одного из лучших наших знатоков изучаемого предмета»⁴⁶.

Письменный отзыв Петрушевского датирован 22 апреля 1937 г. Можно полагать, что изначально он составлялся на один из вариантов рукописи книги Покровского. Педантичный Петрушевский указал ее объем: «630+6 машинописных страниц»⁴⁷. Представление в Совет факультета подобных неофициальных отзывов могло при определенных обстоятельствах играть роль дополнительной экспертизы и даже поддержки научной позиции диссертанта, что не вызвало от членов Совета негативных реакций.

Заметим, что Крачковский, составляя свой отзыв⁴⁸, упомянул, что в его распоряжении было две редакции рукописи диссертации соискателя за разные годы. Их сопоставление позволило ему констатировать факт не прекращавшейся в течение ряда лет работы Покровского над ее содержанием⁴⁹.

Характерно, что оппоненты называли представленную на защиту рукопись Покровского «книгой» и, делая свои замечания, обращали внимание на то, что они должны быть учтены автором для совершенствования текста диссертации при ее публикации. Таким образом, текст рукописи диссертации в данном случае рассматривался как предварительный вариант и некая переходная ступень к главному — изданию книги. Таким образом, получалось, что оппоненты выступали в роли своеобразного коллективного редактора. В этой ситуации просматриваются некоторые особенности формировавшейся советской диссертационной культуры: было не зазорно даже докторскую диссертацию защищать на основе ее предварительного варианта, ориентированного на последующую доработку и публикацию уже в виде книги.

Лаконичный машинописный отзыв И. Ю. Крачковского был составлен в оптимистическом ключе: в нем преобладали акценты на достоинствах диссертации.

⁴⁴ Там же. Л. 15–17.

⁴⁵ Там же. Д. 1187. Л. 51 об. — 58.

⁴⁶ Там же. Д. 1186. Л. 15.

⁴⁷ Там же. Л. 37–45. — Отзыв Петрушевского был зачитан секретарем Ученого совета.

⁴⁸ Там же. Л. 21–26.

⁴⁹ Там же. Л. 23, 26.

В емкой ее характеристике они выразились в его суждении: «Мы получаем в книге полную историю соответствующей территории почти за сто лет — историю как военную и политическую, так и внутреннюю гражданскую с попыткой анализа той религиозной оболочки, в которой вылилась война горцев за независимость, с характеристикой основных исторических деятелей, выдвинувшихся с их стороны»⁵⁰.

Его устное выступление оказалось гораздо более объемным за счет детализации как достоинств, так и недостатков работы⁵¹. Центральное место в отзыве и выступлении Крачковского занимали источниковедческие фрагменты диссертации. Оригинальность авторской позиции подчеркивалась и обширной поисковой работой соискателя по выявлению источников, что позволило ему открыть и «ввести в обиход новые памятники из архивных собраний», и изучением им арабского языка, что стало основой репрезентативного анализа содержания арабоязычных текстов.

Сделав ряд замечаний, в том числе относительно того, что в качестве источников не были использованы художественные произведения русских писателей-современников, служивших на Кавказе, оппонент пришел к однозначному выводу, что «автор — опытный ученый с большим количеством печатных работ и обладающий большими достоинствами». В конце отзыва, выступая в качестве специфического патрона, оппонент дал и вполне прагматический совет: «В печатном виде книгу надо будет снабдить указателями и, может быть, некоторыми приложениями, как например, хронологией событий»⁵².

В ином стиле (и с другими целями) был составлен обширный по объему и детальный по сюжетам отзыв Петрушевского. Как и Крачковский, он высоко оценил не только сам факт обращения диссертанта к предложенной проблеме, освещенной «очень скудно» в тогдашней научной литературе, но и представленный им «обзор источников и литературы вопроса». Его критика касалась проблем социально-экономического расслоения горских народов. Полагая, что Покровский склонен преувеличивать глубину этих процессов, он предлагал автору «дать их более точную картину». К «уязвимым» частям работы он отнес и один из разделов третьей главы диссертации — «Мюридизм и тарикат»⁵³. Понимая, что диссертант не имел возможности самостоятельно овладеть всем объемом «востоковедной» специализации, он сделал акцент на особенностях использования документов, возникших в условиях Кавказской войны, содержавших нередко неверное описание изучаемых автором религиозных феноменов⁵⁴.

Отзыв Петрушевского содержит глубокие, академически выраженные замечания, касавшиеся и тонкостей анализа использованных автором источников, и степени точности примененной им терминологии, и глубины понимания сложного переплетения социальных, религиозных и политических процессов кавказской истории. Формулируя замечания, он дал в отзыве массу ценных профессиональ-

⁵⁰ Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1187. Л. 21.

⁵¹ Там же. Д. 1187. Л. 38–51.

⁵² Там же. Д. 1186. Л. 26.

⁵³ См. соответствующий раздел: Покровский Н. И. Кавказские войны... С. 148–158.

⁵⁴ Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1186. Л. 37, 39, 40, 40 об.

ных советов, делясь собственным опытом изучения проблем истории Кавказа. Заметим, сам он в этот период готовил докторскую диссертацию «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX века», которая будет им защищена в 1941 г.

Позиция Покровского запечатлена в его довольно продолжительной вступительной речи⁵⁵. Он подчеркнул, что в докторской диссертации намеренно делал акцент на военно-историческом аспекте кавказской истории изучаемого времени. Заметив, что социально-экономические отношения в среде горских народов были им разработаны в кандидатской диссертации, Покровский уточнял, что, не касаясь этой проблематики в докторском труде, он сосредотачивает внимание «на вопросах внутренних отношений» в горах Северо-Восточного Кавказа, раздробленного на «мелкие части, мало объединенные и мало связанные, а иногда даже враждовавшие между собой». Заданный ракурс с учетом акцента в область религиозных устоев и настроений горцев давал ему возможность представить особенности и причины народных движений на Кавказе. Они выражали, на его взгляд, не только протест против царизма, но и задачи создания своего «кавказского государства»⁵⁶. Социальные истоки движения под руководством Шамиля ученый связывал с интересами горских крестьян. Создаваемое им государство Покровский трактовал как демократическое⁵⁷. Тема народных движений, являясь основной идеей авторского замысла, составляла главный предмет его докторской диссертации.

В ходе защиты прошли дебаты по поводу характера диссертации, в которых приняли участие В. Д. Дондуа, Н. А. Корнатовский, В. В. Струве, И. П. Петрушевский.

Первые признаки напряженности в рядах присутствующих выявились еще перед началом процедуры защиты. В. Д. Дондуа (1895–1969) — филолог-грузиновед, возглавлявший Кавказский кабинет Института востоковедения Академии наук, без защиты диссертации получивший степень кандидата наук в 1938 г., с возмущением сетовал, что он и его сотрудники не смогли заранее ознакомиться с содержанием диссертации и даже настаивал на переносе даты защиты.

Академик Крачковский, его коллега по институту, парировал тем фактом, что всем им была хорошо известна его роль оппонента на защите, и при желании они могли у него получить экземпляр диссертации. Его поддержали востоковед академик В. В. Струве (1888–1965) и председатель Совета А. Л. Фрайман⁵⁸. За этим инцидентом просматривается некий латентный конфликт научных интересов.

Официальное обсуждение диссертации вновь начал Дондуа. Он эмоционально и пространно отреагировал на содержание диссертации. В числе претензий к диссертанту выдвигалась проблема формирования «аульной верхушки», поскольку Дондуа в отличие от Покровского отрицал и процесс социального расслоения в среде горских народов, и значимость роли Шамиля в политической жизни Северо-Восточного Кавказа, в протестном движении горцев. Фигуру Шамиля Дондуа воспринимал абсолютно негативно: «Шамиль восстановил против себя все За-

⁵⁵ Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1187. Л. 27 об. — 37 об.

⁵⁶ Там же. Л. 27 об. — 29.

⁵⁷ Там же. Л. 31 об. — 32.

⁵⁸ Там же. Л. 26–26 об.

Кавказе». Особо он подчеркнул конфронтационные отношения и вражду Грузии и Дагестана, обострившиеся в ходе движения Шамиля. Подчеркнутым упреком выглядело замечание критика относительно того, что в поле зрения диссертанта не попала тема о «русском солдате», «который исстрадался в горах Кавказа», хотя подобный аспект не входил в предметное поле диссертанта. В претензиях выступавшего, несомненно, просматриваются и отзвуки меняющихся позиций власти в национальном вопросе, и стремление ряда представителей научных кругов выстраивать свои исторические версии с учетом этого фактора. Свое выступление Дондуа завершил намеком с несколько угрожающим подтекстом: «...мое высказывание достаточно ясно, и будет учтено Квалификационной комиссией»⁵⁹.

Н. А. Корнатовский (1902–1977) — участник и историк Гражданской войны, последовательный историк-марксист, продолжил дебаты. На момент проводимой защиты он являлся профессором кафедры основ марксизма-ленинизма. В 1940 г. он защитит докторскую диссертацию «Героическая оборона Петрограда». Будучи весьма далеким от рассматриваемой проблематики, он придал дискуссии прагматико-конспирологический оттенок. Продолжая линию Дондуа, он требовал объяснения, почему диссертации Покровского не оказалось и в кабинете истории СССР ЛГУ. Жестко констатировался тот факт, что на защите фактически был представлен только один оппонентский отзыв — «специалиста-филолога»: «по существу самой работы других отзывов не было». Такой поворот при разбирательстве отмеченной ситуации был явно адресован Грекову и Валку. Наконец, апеллируя к тексту отзыва Петрушевского, Корнатовский трактовал одно из его замечаний как выражение диссертантом «уклона в сторону великодержавных тенденций». Он возмущенно вопрошал, почему «никто из оппонентов по этому поводу не сказал ни слова. В чем дело?»⁶⁰

После этого началось разбирательство по поводу смысла замечания Петрушевского, в котором использовался термин «великодержавные историки». Под ними, как выяснилось, имелись в виду российские офицеры на Кавказе, уполномоченные собирать информацию о горцах. Явно взволнованному Петрушевскому дважды пришлось объяснять смысл своего сугубо научного по характеру замечания: в нем он предостерегал соискателя от опоры на созданный представителями царской власти неадекватный реалиям документальный ресурс относительно культурно-религиозных традиций Кавказа⁶¹.

Переход полемики в плоскость обвинений идеологического толка особым маневром вновь спас академик Струве, обратив внимание на фрагмент выступления Грекова, в котором имелась констатация того, что в отношении «завоевания Украины» диссертант «как раз не придерживался взглядов <...> старой великодержавной литературы»⁶².

Исход защиты, в конце концов, стал положительным для соискателя: все члены Совета исторического факультета проголосовали единогласно за присуждение ему докторской степени.

⁵⁹ Покровский Николай Ильич. Доктор исторических наук по теме: Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12-1. Д. 1187. Л. 59–65.

⁶⁰ Там же. Л. 65–65 об.

⁶¹ Там же. Л. 65 об. — 66.

⁶² Там же. Л. 66 об.

Резюме

Докторская защита Н. И. Покровского типична с точки зрения соответствия ее структуры и содержания действовавшим нормативным канонам и традициям научного сообщества. Оригинальность заключена в нестандартности ситуации, в которой оказался соискатель, рассчитывавший опубликовать свой труд к моменту защиты диссертации. Невозможность реализации этого плана в обостренной форме актуализировала задачу организации защиты на основе уже созданной рукописи книги. Получение ученых степеней легитимировало его статус и стало основой дальнейшей университетской карьеры историка, к сожалению, очень недолгой.

Стенограмма докторской защиты как основной источник представленной диссертационной истории позволила раскрыть характерный для данной защиты круг оппонентов (историков и филологов-языковедов), принадлежавших к переходному поколению ученых. Дисциплинарное своеобразие их профессиональных компетенций, высокая научная культура, примененные тактики экспертного анализа создали полемический настрой присутствующих. Это придало процедуре защиты атмосферу академичности, но не исключило политико-идеологической составляющей этого события.

References

- Alevras N. N., Grishina N. V. Doktorskaia dissertatsiia v sovetskoii dissertatsionnoi sisteme: opyt zashchit v 1930-kh — nachale 1940-kh godov. *Nauchnyi Dialog*, 2022, vol. 11, no. 3, pp. 337–354. (In Russian)
- Alpatov V. M. Marr, marrizm i stalinizm. *Filosofskie issledovaniia*, 1993, no. 4, pp. 271–288. (In Russian)
- Dolgova E. A. *Rozhdenie sovetskoii nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* Moscow, RGGU Press, 2020, 469 p. (In Russian)
- Gadzhiev V. G. Vvedenie: ob avtore i ego knige, Pokrovskii N. I. *Kavkazskie voiny i imamat Shamilia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 8–26. (In Russian)
- Gal'perina I. G., Gorshkova N. V. Anna Borisovna Zaks: vospominaniia muzevedea. *Rumiantsevskie chteniia* — 2018. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2018, pp. 169–174. (In Russian)
- Krachkovskii I. Iu. *Ocherki po istorii russkoi arabistiki*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Press, 1950, 299 p. (In Russian)
- Mazur L. N. Sovetskaia nauka kak sotsial'nyi proekt: osobennosti i etapy konstruirovaniia (1917–1950-e gg.). *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities*, 2021, vol. 23, no. 4, pp. 119–138. (In Russian)
- Mininkov N. A. K istorii izdaniia truda N. I. Pokrovskogo “Kavkazskie voiny i imamat Shamilia”. *Metamorfоз vs transformatsiia. Mul'timediiinyi podkhod k izucheniiu istorii adygov v XIX–XXI vv.* Rostov-on-Don, North-Caucasian research center of the SFU higher school Press, 2013, pp. 232–238. (In Russian)
- Mininkov N. A. Vospominaniia o diade: Nikolai Nikolaevich Pokrovskii. *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniia i arheografii: K 90-letiiu N. N. Pokrovskogo*. Novosibirsk, Rossiiskaia akademiia nauk, Institut istorii Press, 2020, pp. 632–640. (In Russian)
- Pokrovskii N. I. *Kavkazskie voiny i imamat Shamilia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 511 p. (In Russian)
- Pokrovskii N. *Severo-Vostochnyi Kavkaz v pervoi polovine XIX veka. Tezisy k dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Leningrad, Lengorlit Publ., 1938, pp. 1–6. (In Russian)
- Pokrovskii N. N. Vmesto predisloviia. *Pokrovskii N. I. Kavkazskie voiny i imamat Shamilia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 3–7. (In Russian)
- Sharafutdinova R. Sh. N. I. Pokrovskii (1897–1946) i I. Iu. Krachkovskii (1883–1950). Problemy kavkazskoi arabistiki po arkhivnym materialam. *Peterburgskoe vostokovedenie*, Tsentr Peterburgskogo vostokovedeniia. St Petersburg, 1997, issue 9, pp. 501–515. (In Russian)

- Shcherbak A. N., Boliachevets L. S., Platonova E. S. Istoriiia sovetskoi natsional'noi politiki: kolebaniia maiatnika? *Politicheskaiia nauka*, 2016, no. 1, pp. 100–123. (In Russian)
- Skvortsov A. M. Iz istorii razvitiia sovetskoi istoricheskoi nauki v 1930-e — 1940-e gody: zashchita doktorskoii dissertatsii A. V. Mishulinym. *Nauchnyi Dialog*, 2019, no. 2, pp. 296–310. (In Russian)
- Tovsultanov R. A., Galimova L. N., Ozdamirova E. M. K voprosu ob istoriografii Kavkazskoi voiny. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2017, vol. 6, no. 3 (20), pp. 252–258. (In Russian)
- Zaks A. B. Kak ia zashchishchala dissertatsiiu i pytalas' ee opublikovat'. *Voprosy istorii*, 1989, no. 6, pp. 164–167. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 15 мая 2022 г.

Рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Received: May 15, 2022

Accepted: October 31, 2022